

В.В. СТАВНЮК. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ: Прайм-М, 2004. 248 с.; *он же.* Становлення афінського поліса. Київ: Аквілон-Плюс, 2005. 216 с.

Украинский антиковед В.В. Ставнюк почти одновременно опубликовал две монографии по истории Афин – «Фемистокл и Афины: деятельность Фемистокла в контексте эволюции афинского полиса» и «Становление афинского полиса». Это событие осталось у нас практически незамеченным, и хотелось бы привлечь к нему внимание коллег: оно того заслуживает. Ведь далеко не каждый день (и даже не каждый год) выходят на постсоветском пространстве книги, посвященные проблематике архаической и раннеклассической эпох. Достаточно отметить, что о Фемистокле до сих пор нет ни одного монографического исследования даже и на русском языке. Явно не хватает у нас и фундаментальных трудов по истории Афин эпохи архаики¹.

Так получилось, что по хронологии освещаемых событий (изложение доведено до реформ Клисфена) вторая монография В.В. Ставнюка предшествует первой, а та фактически оказывается ее непосредственным продолжением. Поэтому представляется логичным начать рассмотрение рецензируемых книг именно со «Становления афинского полиса». Но перед этим будет уместно остановиться вкратце на общетеоретических установках автора, а они как раз более четко и рельефно прописаны в начале введения к «Фемистоклу и Афинам» (с. 3–6)².

В.В. Ставнюк исходит из концепции полиса, который являлся «...общинно-государством, гражданской общиной, в которой политическая власть принадлежала всему гражданскому обществу, демосу, народу, который выступал как суверен» (ФА, с. 3)³. Автор неоднократно и настойчиво подчеркивает, что не рабство, а свобода выступает основополагающей чертой экономических отношений в полисе, его социальной и политической организации; основная фигура в нем – гражданин. Очевидно, все это говорится с целью полемики с общераспространенной у нас до недавнего времени (да и поныне влиятельной) точки зрения на полисное общество как на преимущественно рабовладельческое. В греческом полисе выработалась своеобразная культура, основанная на рационализме, гуманизме, антропоцентризме. Все эти черты с наибольшей степенью проявились в Афинах; впрочем, справедливо оговаривается, что афинский полис был необычным и уникальным; таким образом, В.В. Ставнюк, судя по всему, не считает его «идеальной моделью» полиса как такового⁴.

Теперь мы можем перейти к анализу конкретных положений, которые выдвигаются и аргументируются в рецензируемых монографиях. Книга «Становление афинского полиса» состоит из двух частей, подразделяющихся на главы. В первой части (с. 9–98) речь идет о событиях и процессах, имевших место на хронологическом отрезке от падения ахейской цивилизации до «Клионовой смуты», во второй (с. 99–193) – от законов Драконта до реформ Клисфена.

Автор начинает с описания ситуации в Аттике и в Греции в целом в период «темных веков» и в начале архаической эпохи. Рассматривается, в частности, проблема «послемикенского регресса». По мнению исследователя, этот регресс не был абсолютным: «...реставрация родовых отношений в Греции в начале “темных веков” не означала механического и последовательного воссоздания той примитивной племенной организации, с разложения которой началась история ахейской цивилизации еще в начале II тыс. до н.э.» (с. 24–25). Несмотря на значительную «варваризацию», ряд элементов дворцовой культуры бронзового века не погиб, а сохранился.

¹ Наиболее близкая параллель из числа исследований, вышедших в последние годы, – это книга Х. Туманса «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)» (СПб., 2002). Кстати, по иронии судьбы эта работа также принадлежит антиковеду из так называемого «ближнего зарубежья».

² Во введении к книге «Становление афинского полиса» (с. 3–8) речь идет в основном о важности изучения античного наследия для независимой Украины, вступившей на европейский путь развития.

³ Далее для удобства читателя будут употребляться следующие сокращенные обозначения книг В.В. Ставнюка: ФА – «Фемистокл и Афины», САП – «Становление афинского полиса».

⁴ Этот взгляд представляется вполне оправданным. Ср. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 44, 68.

Этот тезис представляется продуманным и весьма важным. Зачастую можно встретить (особенно в работах авторов, исходящих из теории «абсолютного дисконтинуитета» между греческим социумом II и I тыс. до н.э.) мнение, согласно которому полисная цивилизация начиналась «с нуля», вырастала непосредственно из родо-племенного общества⁵. А это, безусловно, не так: в действительности полис вырос на обломках предшествующей, вполне развитой государственности микенской эпохи. Истинные, «первичные» родо-племенные отношения в Греции ушли в прошлое еще в то время (соответственно, на смену родовой общине пришла соседская⁶), а если мы в первой половине I тыс. до н.э. и встречаем нечто похожее на них, то нужно отдавать себе отчет в том, что это уже «вторичный», по сути – искусственно реставрированный феномен⁷.

В.В. Ставнюк констатирует, что уже в поэмах Гомера «...главной экономической ячейкой... является уже не род, не родовая община, а малая патриархальная семья и ее автономное домохозяйство – ойкос» (с. 35)⁸. Справедливости ради, впрочем, нельзя не отметить, что данная точка зрения не проводится автором вполне последовательно. Он сам же неоднократно пишет о «родовой знати» в ранних Афинах (с. 31, 52 и др.). Впрочем, эта пресловутая «родовая знать» – один из штампов, привившихся в отечественной историографии в целом. Написав «знать», так и хочется добавить «родовая», хотя такое определение далеко не всегда корректно и уж во всяком случае ничего существенного не поясняет и никак не помогает понять феномен.

В.В. Ставнюк рассматривает, как с начала I тыс. до н.э. происходит «кризис патриархального общинного устройства» (с. 26). По его мнению, на протяжении «темных веков» происходит, в частности, постепенное формирование аристократии. В целом это верно, но лишь отчасти. Многие аристократические роды греков, несомненно, имели микенские корни и появились еще во II тыс. до н.э.⁹

Поскольку собственно афинских нарративных источников, аутентично освещающих состояние общества на столь раннем историческом этапе – в «гомеровский период» – заведомо нет, автор применяет широко распространенный в антиковедении и, безусловно, вполне правомерный прием: рассматривает это общество по данным поэм Гомера, распространяя их материал на Аттику, хотя эти тексты к ней напрямую и не относятся. Нас несколько удивило, что в главе «Общество по данным гомеровских поэм» (с. 32–62) ни разу не используется то исследование этой эпохи, которое и по сей день остается едва ли не наиболее ценным, – «Мир Одиссея» Мозеса Финли. В целом гомеровский период характеризуется В.В. Ставнюком как период переходный, время укрепления частной собственности и начала формирования полисов.

В конкретных аттических условиях одним из важнейших компонентов этого последнего процесса стал синойкизм, связываемый в традиции с именем легендарного Тесея. Этому объединению общин Аттики вокруг Афин посвящена специальная глава монографии (САП, с. 62–81). По мнению В.В. Ставнюка, «...именно в процессе синойкизма или сразу же после его завершения и сформировались окончательно... аристократические роды» (с. 71; ср. также ниже, с. 124 – о монетной реформе Солона). Говоря об аристократии этих столетий, автор справедливо отмечает, что она имеет источником своих доходов не только земледелие, но и активно занимается торговлей (исключительно важный момент, который чаще всего упускается из виду в историографии). В то же время он придерживается устаревшего тезиса (восходящего к Ч. Селтману¹⁰), согласно которому знатные афинские роды уже с конца VII в. до н.э. чеканили монету, маркируя эти выпуски своими «родовыми гербами» (с. 84). На сегодняшний день подобная датировка давно уже стала достоянием вчерашнего дня, поскольку вся хронология архаического греческо-

⁵ Один из последних примеров: Курбатов А.А. Аристократия в архаической Греции. Астрахань, 2006. С. 22 слл.

⁶ Ср. Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004. С. 32–33.

⁷ Об афинском роде I тыс. до н.э. как «вторичном» феномене см. наиболее подробно в имевшей в свое время большой резонанс работе: Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique. Lille – Paris, 1976.

⁸ Почти в тех же формулировках встречаем данный тезис у Ю.В. Андреева (Ук. соч. С. 236), который пишет также: «Вообще род ни разу не выступает у Гомера в виде четко оформленного социального организма», и даже допускает возможность, что греческий род гомеровского периода вообще не существовал (там же, с. 239).

⁹ Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 184 слл.

¹⁰ Selman C.T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambr., 1924. Но на работу Ч. Селтмана В.В. Ставнюк не ссылается.

го монетного дела после Селтмана, во второй половине XX в., была самым кардинальным образом пересмотрена¹¹. Первые монеты в Афинах (так называемые *Warrenmünzen*) в действительно-сти были отчеканены значительно позже, лишь во второй половине VI в. до н.э., при тиранах¹².

Рассматривая положение в афинском полисе VII в. до н.э., В.В. Ставнюк полагает, что в этот период происходило обезземеливание аттического крестьянства. Многие из крестьян, лишившихся земли, «...переходили в Афины, пополняя ряды городского демоса – ремесленников, купцов... и просто люмпенизированных масс» (с. 85–86). Откровенно говоря, здесь нарисована картина, значительно сильнее напоминающая реалии Рима времен поздней Республики, чем архаических Афин. И совсем уже трудно говорить о пресловутом «обезземеливании крестьянства». Афины были государством весьма обширным по греческим меркам, от стенохории не страдали, и земли в них вплоть до V в. до н.э. вполне хватало на всех. Прекрасно свидетельствует об этом почти нулевое участие афинян в Великой греческой колонизации. Совершенно верно замечает Р. Осборн, что главной аграрной проблемой архаической Аттики была скорее не нехватка земель, а наоборот, нехватка рабочих рук для обработки этих земель, находившихся в достаточном количестве¹³.

Согласно своей общей концепции, В.В. Ставнюк понимает архаических афинских гектеморов как арендаторов, вышедших из среды таких разорившихся крестьян. В действительности проблема гектеморов гораздо сложнее. Совсем недавно мы посвятили ей специальное исследование¹⁴, к которому и отсылаем желающих, не имея возможности остановиться здесь подробнее на этом вопросе.

Достаточно подробно останавливается автор рецензируемых работ на мятеже Килона – первом событии афинской истории, о котором сохранились относительно обильные свидетельства. Отметим одну небольшую неточность, проскользнувшую в изложении. Исследователь пишет, что власти, вступив в переговоры с осажденными на акрополе мятежниками, клянутся обеща-ли тем «свободный выход за границы Аттики» (с. 93). Это было бы уж слишком гуманно по отношению к лицам, пытавшимся установить тиранию. В действительности, как нам приходилось уже писать в другом месте¹⁵, мятежники соглашались предстать перед судом, выторговав себе лишь ту уступку, что их не приговорят к смертной казни (Herod. V. 71).

В отдельной главе монографии (САП, с. 99–108) рассматриваются законы Драконта. Общую цель этого законодательства В.В. Ставнюк трактует совершенно верно – как стремление покончить со смутой в Афинах, борьбу с разгулом кровной мести. Впрочем, вопреки высказываемому в книге мнению, убийца, если он хотел примириться с родственниками жертвы и избежать возмездия, вряд ли должен был выплатить «штраф в пользу общины» (с. 101). В сохранившемся тексте закона Драконта об убийстве ни о чем подобном не говорится¹⁶. Не приходится сомне-

¹¹ См. важнейшие работы: *Kraay C.M.* The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // NC. 1956. 16. P. 43–68; *idem.* The Early Coinage of Athens: A Reply // NC. 1962. 2. P. 417–423; *idem.* An Interpretation of Ath. pol. Ch. 10 // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson. Oxf., 1968. P. 1–9; *idem.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976; *idem.* The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology // NC. 1977. 17. P. 189–198; *idem.* Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Methoden der antiken Numismatik. Darmstadt, 1989. S. 180 ff.; *Wallace W.P.* Early Coinages of Athens and Euboea // NC. 1962. 2. P. 23–42; *Radnoti-Alföldi M.* Antike Numismatik. Teil 1. Mainz, 1978. S. 72 ff.; *Kroll J.H.* From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society. Museum Notes. 1981. 26. P. 1–32; *Kroll J.H., Waggoner N.M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // AJA. 1984. 88. 3. P. 325–340; *Jenkins G.K.* Ancient Greek Coins. 2 ed. L., 1990. P. 25 f.; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Theodorou J.* Athenian Silver Coins: 6th–3rd Centuries BC. The Current Interpretation // Μνῆμη Martin Jessop Price. Athens, 1996. P. 53 f.; *Dawson S.* The Athenian Wappenmünzen // Scholia. 1999. 8. P. 71–77; *Kim H.S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // Money and its Uses in the Ancient Greek World. Oxf., 2001. P. 7–21.

¹² Специально об этих монетах см. нашу работу, кажется, единственную в отечественной историографии: *Суриков И.Е.* Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 43–51.

¹³ *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.–N.Y., 1996. P. 221; *cp. Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 80; *Rihll T.E.* ΕΚΤΗΜΟΡΟΙ: Partners in Crime? // JHS. 1991. 111. P. 102.

¹⁴ *Суриков И.Е.* Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

¹⁵ *Он же.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 109.

¹⁶ Текст закона Драконта с нашим переводом на русский язык см. *он же.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 30 слл. Там же указана важнейшая литература по вопросу.

ваться в том, что убийца платил на самом деле не штраф, а выкуп, и платил его не полису, а именно сородичам убитого. Также ошибочно В.В. Ставнюк считает, что Аристотель (Ath. pol. 16. 10) приписывает архаический закон о тирании Дракунту.

В нескольких главах книги содержится подробный анализ такого этапного события афинской истории, как реформы Солона, их предпосылки, основного содержания, методов проведения. Солон предстает в изображении В.В. Ставнюка как реформатор компромиссного типа, который сознательно чуждался применения насилия в своей деятельности. Это не вполне так. Солон действительно был противником «сурового насилия тирании» (τυράννιδος δὲ καὶ βίης ἀπειλῆχον – Sol. fr. 23, 9 Diehl; ср. τυράννιδος ... βίηι – Sol. fr. 23, 19–20 Diehl), но не насилия как такового. Ведь сам же он пишет в своих стихах (fr. 24, 16 Diehl), что проводил свои реформы, «согласовав *насилие* с справедливостью» (ὁμοῦ βίην τε καὶ δίκην ξυναρμόσας)¹⁷. Такая радикальнейшая, даже революционная мера, какой была сисахфия (отмена долгов) вряд ли могла бы быть осуществлена совершенно без применения насилия со стороны государства, представителем которого в тот момент выступал Солон.

Говоря об экономических мерах Солона, В.В. Ставнюк отмечает, что после них важнейшими статьями внешней торговли Афин стали вино и оливковое масло (с. 122). Данный тезис верен только относительно оливкового масла – подлинной гордости афинского полиса; что же касается аттического вина, то оно никогда не было предметом значительного экспорта.

Еще одно неточное высказывание касается того, что пентакосиомедимны – члены высшего из четырех солоновских имущественных классов – должны были в эту эпоху выполнять триерархию (с. 131). В архаических Афинах флот комплектовался совершенно иным образом, через навкрии, а институт триерархии был впервые учрежден в ходе реализации морской программы Фемистокла в 480-х годах до н.э.¹⁸

Несколько удивила нас следующая встретившаяся в монографии фраза (с. 141), относящаяся к нарративной традиции о встрече Солона и Креза: «Солон не мог посетить Сарды позже 570, а Крез не мог там быть раньше 560 года». Крез, конечно же, был в Сардах и раньше 560 г. до н.э., но только являлся еще не царем, а наследником престола, а этот факт сам по себе, разумеется, не исключает возможности его встречи с афинским мудрецом¹⁹.

В.В. Ставнюк переходит к рассмотрению политической борьбы в Афинах, имевшей место после реформ Солона и приведшей к установлению тирании Писистрата. Как здесь, так и в других местах он регулярно называет афинские политические группировки «партиями», хотя и оговаривает специально, что «...античные партии ни в коем случае нельзя смешивать с партиями современного типа» (с. 145; ср. также ФА, с. 89). Действительно, признаков сходства между ними практически не наблюдается²⁰. Но в таком случае резонен вопрос: а нужно ли вообще называть античные политические группировки партиями, используя модернизирующую терминологию, которая способна только ввести в заблуждение не очень искушенного читателя? Даже в западной исследовательской литературе, для которой в целом подобное словупотребление более характерно и, так сказать, более органично, в последние десятилетия намечается тенденция к отказу от него²¹.

Среди конкретных событий этих лет, освещаемых в монографии, – необычный конституционный эксперимент, когда, по указанию Аристотеля (Ath. pol. 13. 2), после свержения узурпатора Дамасия были избраны десять архонтов. В.В. Ставнюк считает, что они были избраны вместо ординарной коллегии девяти архонтов. Нам представляется, что дело обстоит несколько иначе: «децемвиры» заменили собой архонта-эпонима, с поста которого был только что смещен Дамасий. Высшая государственная магистратура внезапно оказалась вакантной

¹⁷ См. об этом: Zunino M.L. 'Ομοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // Klio. 2004. 86. 1. P. 5–15.

¹⁸ Строгоцкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69–83. Да и сам В.В. Ставнюк говорит о том же в монографии «Фемистокл и Афины», которая будет рассматриваться ниже.

¹⁹ Подробнее по проблеме см. Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79.

²⁰ Подробнее см. он же. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 301 слл.

²¹ Например: Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 BC. Croom Helm, 1986. P. 15 ff. Автор детально исследует вопрос и приходит к выводу, что применительно к афинским реалиям термин «party» некорректен, следует пользоваться термином «faction», что на русском языке может быть наиболее адекватно передано именно как «группировка» (а, конечно, не «фракция», как иногда можно встретить).

на десять месяцев, и из экстраординарного положения был найден экстраординарный же выход: назначили десять магистратов, каждый из которых должен был занимать должность в течение месяца.

Кстати, неточна и датировка этого события у В.В. Ставнюка – 581/580 г. до н.э. Но в указанном автором году правил еще Дамасий²². Эксперимент с избранием десяти архонтов имел место в 580/579 г. до н.э.²³ Коль скоро речь зашла о датах, приходится с сожалением отметить, что у В.В. Ставнюка встречаются и другие хронологические неувязки²⁴, в том числе одна весьма серьезная. Мы имеем в виду даты, связанные с тиранией Писистрата.

В рецензируемой монографии обнаруживаем следующую хронологию событий (с. 152–154). Писистрат впервые стал тираном в 560 г. до н.э. На шестой год своего правления он был свергнут, а на двенадцатый год после этого возвратился к власти. На сей раз он правил семь лет и вновь подвергся изгнанию, в котором находился десять лет, а на одиннадцатый окончательно утвердился в Афинах – около 532 г. до н.э., по мнению В.В. Ставнюка. Однако если суммировать все приведенные здесь временные отрезки, то получается, что третий приход Писистрата к власти состоялся не в 532, а на 526 г. до н.э.; а в 527 г. до н.э. он умер. Налицо внутреннее противоречие в изложении. Кстати, и дата 532 г. до н.э. для установления этой третьей тирании Писистрата неверна: в действительности это произошло много раньше, около 546 г. до н.э.²⁵ В рассматриваемой здесь главе нас еще несколько удивило, что в контексте афинской истории VI в. до н.э. упоминается морской порт Пирей (с. 147), который в то время еще не существовал.

Анализируя само правление Писистрата, автор совершенно верно подчеркивает, что тирану удалось решить земельную проблему в Аттике, чего не смог сделать Солон. Корректно охарактеризована активная внешняя политика Писистрата²⁶. В целом его деятельность оценивается позитивно, в отличие от деятельности его сыновей, в правление которых, по мнению В.В. Ставнюка, тирания в Афинах уже выполнила свою историческую роль и утратила основания для существования.

В главе, посвященной Писистратидам, изгнанный ими Леогор, прадед оратора Андокида, по какому-то странному недоразумению (опечатка?) назван прадедом Мильтиада (с. 170), а знатный род Гефиреев, к которому принадлежали Гармодий и Аристоклитон, обозначен (еще одна опечатка?) как Гифереи (с. 171).

Сюжетом, завершающим книгу «Становление афинского полиса», закономерно являются реформы Клисфена. В обзоре соответствующей главы выскажем лишь несколько соображений по конкретным вопросам. Вряд ли правомерно относить главного соперника Клисфена – Исагора – к числу сторонников тирании Писистратидов. Правда, Аристотель (Ath. pol. 20. 1) называет его «другом тиранов», но это свидетельство тенденциозно. В действительности Исагор, несомненно, принимал активное участие в свержении тирании спартанским царем Клеоменом I, который в ходе этой операции даже стал его ксеном (Herod. V. 70).

Инициатива афинского восстания 507 г. до н.э., в результате которого были изгнаны Клеомен и Исагор, возвращен Клисфен и фактически установлена классическая демократия, исходила, по мнению В.В. Ставнюка, не от широких слоев гражданства, а «от узкого круга лиц, кото-

²² Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambr., 1989. P. 40.

²³ Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica // Hesperia. 1974. 43. 4. P. 485–493. Неточная датировка (но с «уклонением» уже в другую сторону) содержится и в работе: Figueira T.J. The Ten Archonts of 579/8 at Athens // Hesperia. 1984. 53. 4. P. 447–473.

²⁴ Например, он называет 481/480 г. до н.э. «годом Саламина» (ФА, с. 193). В действительности Саламинская битва (сентябрь 480 г. до н.э.) имела место не в 481/480 г. до н.э. (архонтство Гипсихида), а в 480/479 г. до н.э. (архонтство Каллиада). Остракизм Аристиды датируется у В.В. Ставнюка то 483/482 г. до н.э. (ФА, с. 153), то 484/483 г. до н.э. (ФА, с. 167); верной из этих датировок является первая. Аналогичная ситуация и с остракизмом самого Фемистокла. То указывается, что он имел место не позже 474/473 г. до н.э. (ФА, с. 150), то говорится, что «случилось это, очевидно, в 472/1 г. до н.э., плюс-минус один год (ФА, 215). Хронология остракизма Фемистокла дискуссионна, однако в рамках одной работы все-таки лучше было бы придерживаться какой-нибудь единой датировки.

²⁵ Подробнее см. Суриков И.Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 49 слл. (с подробной аргументацией и указаниями на важнейшую литературу по вопросу).

²⁶ Вызывает возражение лишь один небольшой нюанс. По мнению В.В. Ставнюка, Писистрат находился в союзных и дружественных отношениях с Поликратом Самосским. Это сомнительно (см. Суриков. Черноморское эхо... С. 52).

рым принадлежала привилегия избрания в Совет Четырехсот»²⁷ (с. 184). Гораздо более убедительной представляется точка зрения Дж. Обера, согласно которой это была настоящая «афинская революция», совершенная массами демоса²⁸. Афинские демы, строго говоря, нельзя характеризовать как основывающиеся на чисто территориальных принципах – «в отличие от рода, который объединял своих членов вне зависимости от места их проживания» (с. 187). Ситуация с демами гораздо сложнее. Гражданин, переселявшийся из одного дема в другой, сохранял принадлежность к прежнему дему, равно как и все его потомки. Сплошь и рядом место проживания афинянина и его демотик не совпадали. Дем – прежде всего не территориальная единица, а объединение граждан, причем точно так же, как и род, вне зависимости от места их проживания! Наконец, отметим, что, рассматривая институт остракизма и цитируя в связи с этим сообщение Филохора (FGrHist. 328. F 30), исследователь допускает неточность в переводе. Слов «а всего было подано» у Филохора нет²⁹.

Если в монографии «Становление архаического полиса» освещен весьма продолжительный хронологический отрезок – около пяти веков (что неизбежно повело к некоторой конспективности изложения), – то в монографии «Фемистокл и Афины» В.В. Ставнюк сконцентрировался на изучении событий, развертывавшихся на протяжении лишь нескольких десятилетий (начало V в. до н.э.) – времени карьеры Фемистокла. Но какие это были десятилетия! Воистину судьбоносные – время самых решительных схваток Греко-персидских войн, зарождения морского могущества Афин и создания Делосского союза, напряженной внутренней политической борьбы в афинском полисе, постепенного формирования демократического государственного устройства в его законченном виде... И во все перечисленные процессы очень большой вклад внес Фемистокл, который, без сомнения, может быть назван одной из самых крупномасштабных фигур в античной истории. Монографическое исследование, специально посвященное этому деятелю, выглядит не просто оправданным, но в высшей степени актуальным.

Удачно избранные хронологические рамки работы позволили В.В. Ставнюку исследовать афинскую историю этих лет весьма тщательно, скрупулезно и детально, опираясь на прекрасное знание источникового материала. Практически ни один из аспектов или эпизодов многогранной деятельности Фемистокла не остался за пределами его анализа³⁰. Исследователь отказался только от подробного рассмотрения самых последних лет жизни Фемистокла, которые тот провел в Персии. Пожалуй, об этом можно и пожалеть: сюжет представляется довольно интересным, к тому же о данном периоде его жизни за последнее время появился ряд немаловажных статей, хотя и оставляющих несколько противоречивое впечатление³¹.

Монография открывается обширным введением (с. 3–38), в которое включены также обзоры источников и историографии вопроса³². Далее следует основной текст, который состоит из двух частей, подразделяющихся на главы. В первой части (с. 39–136) освещена деятельность Фемистокла в 490-х годах до н.э., до битвы при Марафоне включительно, во второй (с. 137–217) –

²⁷ Это выражение само по себе не очень ясно. В Совет Четырехсот граждане избирались жребием, без каких-либо привилегий (см. подробнее об этом органе: Суриков И.Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (эпоха архаики) // *Studia historica*. 2005. Вып. 5. С. 12 сл.). Единственным ограничением было недопущение в Совет лиц из четвертого солоновского класса – фетов. Но совокупность первых трех классов трудно назвать «узким кругом лиц».

²⁸ Ober J. *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999. P. 32 ff.

²⁹ Ср. уточненный перевод на русский язык: Суриков. Остракизм... С. 505. Справедливости ради отметим, что аналогичная неточность допускается переводчиками нередко. А вопрос этот не частный, поскольку от степени верности перевода зависит понимание ряда важных нюансов функционирования остракизма.

³⁰ Правда, в изложении различных событий биографии Фемистокла не всегда соблюдена хронологическая последовательность. Так, об архонтате Фемистокла в 493/492 г. до н.э. рассказывается раньше, чем о его происхождении и начале политической деятельности.

³¹ Cahn H.A., Gerin D. Themistocles at Magnesia // *NC*. 1988. 148. P. 13–20; Cahn H.A., Mannsperger D. Themistocles Again // *NC*. 1991. 151. P. 199–202; Nolle J. Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 1996. 75. S. 5–31.

³² В историографическом обзоре отмечается, что в постсоветском антиковедении пока нет работ, специально посвященных Фемистоклу (с. 29). Это не вполне так. В.В. Ставнюку осталась неизвестной наша статья: Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 8. Спец. выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364 (перепечатано в кн.: История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 559–581).

перипетии его карьеры от этого сражения до ostracism, постигшего «отца афинского флота». Таким образом, структурная особенность рецензируемой книги заключается в том, что в ней весьма значительное внимание уделено именно раннему периоду биографии Фемистокла, который в исследовательской литературе остается несколько «в тени», заслоняемый более яркими событиями его жизни, происшедшими позже. А между тем этот первый период весьма интересен, и в нем, помимо всего прочего, гораздо больше неясных и спорных вопросов.

Один из этих вопросов заключается в том, занимал ли Фемистокл в 493/492 г. до н.э. должность архонта-эпонима и начал ли он уже тогда в какой-то предварительной форме реализацию своей морской программы. Весь этот круг проблем с давних пор и по сей день является предметом острых дискуссий. В.В. Ставнюк решительно и обоснованно дает на поставленный здесь вопрос положительный ответ, в чем мы с ним вполне солидарны. Нет никакого резона гиперкритически отвергать сведения целой группы источников – Фукидида, Дионисия Галикарнасского, Евсевия; комплексное рассмотрение приведенного у этих писателей материала показывает, что Фемистокл действительно был архонтом в указанном году и тогда же начал постройку и укрепление Пирея, которому суждено было стать главным афинским портом. Иногда этой традиции противопоставляют указание Геродота (VII. 144), относящееся к 483/482 г. до н.э., согласно которому на тот момент Фемистокл лишь недавно (νεωστὶ) вошел в число влиятельных граждан. Однако В.В. Ставнюк, детально анализируя эту проблему, логично приходит к выводу, что данный аргумент не имеет решающей силы.

С другой стороны, исследователь не считает, что Фукидид (I. 93. 3), сообщая о занятии Фемистоклом должности *κατ' ἐνιαυτὸν*, имеет в виду эпонимный архонтат; скорее речь идет о какой-то магистратуре. Но здесь мы не можем с ним согласиться. В.В. Ставнюк переводит *κατ' ἐνιαυτὸν* как «год за годом», что, естественно, исключает любую идею о poste архонта, на который, как известно, гражданин мог быть избран лишь один раз в жизни. Однако корректнее было перевести приведенное выражение иначе – «в продолжение года». В Афинах начала V в. до н.э. неизвестны какие-либо должности, которые можно было бы занимать на протяжении нескольких лет. Да и упоминание Фукидидом *ἀρχή* без каких-либо пояснений, скорее всего, говорит в пользу того, что историк имеет в виду магистратуру, которая являлась *ἀρχή* по преимуществу, *ἀρχή* в собственном смысле, т.е. магистратуру архонтскую³³.

В.В. Ставнюк считает, что уже в год архонтата Фемистокла афиняне не только приступили к постройке Пирея, но и сделали первый шаг к увеличению флота, снарядив 20 кораблей дополнительно к уже имеющимся. Полностью исключить такой ход событий нельзя, однако данный тезис вызывает и некоторые недоумения. Во-первых, остается непросушенной важная деталь: какие механизмы были задействованы для сооружения новых судов? Существовавшая система навкрай таких механизмов не представляла, а триерархия еще не появилась. Во-вторых, непонятным становится, почему же вся античная традиция расценивает «основную» морскую программу Фемистокла, реализованную десятилетием позже, как шаг новаторский, едва ли не революционный, если прецедент такого же рода (пусть даже и в меньшем масштабе) уже существовал?

В монографии рассматривается вопрос о взаимоотношениях Фемистокла и возвратившегося в Афины Мильтиада. Автор справедливо считает, что эти взаимоотношения следует характеризовать не как «противоборство», а как «соперничество», из-за которого воплощение в жизнь морской программы пришлось отложить примерно на 10 лет. В то же время соперничество между двумя политиками не исключало и сотрудничества, поскольку между их позициями имелись и точки соприкосновения.

Далее следует анализ весьма важной темы общего характера – о содержании внутривнутриполитической борьбы в афинском полисе в конце VI и начале V в. до н.э. Здесь В.В. Ставнюк развивает взгляды, которые уже неоднократно высказывались им и ранее³⁴. Политическая борьба этого времени была многомерной и многофакторной. В ней играли свою роль межличностное и межродовое соперничество, однако «...основная ее линия проходила между демосом и аристократией» (с. 86). Наряду с этой линией намечена и другая, не совпадающая с ней, – «борьба за

³³ На хронологическом отрезке 510–487 годов до н.э. должность архонта-эпонима являлась реально высшей в афинском полисе, «президентской». Практически все виднейшие политики, действовавшие в те годы, побывали на этой должности.

³⁴ Например: *Ставнюк В.В. Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 26–37; он же. К вопросу о методах в политической борьбе за демократизацию афинского полиса // Античность и современность. Доклады конференции. М., 1991. С. 54–57.*

углубление процесса демократизации» (с. 88). Не вполне понятными остаются несколько важных деталей. Во-первых, в каком же все-таки соотношении находились эти две линии борьбы и кто с кем боролся за углубление процесса демократизации? Во-вторых, могла ли вообще идти осознанная борьба за углубление процесса демократизации в эпоху, когда само понятие демократии еще не существовало³⁵, и нет ли в такой трактовке определенного телеологизма? В-третьих, как согласовать сказанное с тем фактом, что на рассматриваемом хронологическом отрезке во главе всех без исключения афинских политических группировок стояли представители аристократии? Таковым был даже главный герой книги – Фемистокл.

В целом, по мнению В.В. Ставнюка, в политической жизни раннеклассических Афин противостояли друг другу четыре тенденции: демократическая, аристократическая, олигархическая³⁶ и тираническая. Этот важный для всей рецензируемой работы тезис выдвинут в краткой и несколько схематичной форме, что тоже вызывает ряд недоуменных вопросов. Ведь тенденции – это в некотором роде абстракции, искусственные конструкции. Они бывают полезны для нужд научного анализа, но вряд ли стоит превращать их в самостоятельные сущности. Реальная политическая борьба происходит все-таки между реальными лицами и группировками. Таких группировок в афинском полисе начала V в. до н.э. было достаточно много³⁷, и не похоже, что они боролись по поводу форм государственного устройства. «Конституция Клисфена» как некий набор правил игры была принята всеми сторонами; нет сведений ни об одной группировке, которая предлагала бы ее отменить.

Фемистокла В.В. Ставнюк в целом относит к политикам демократической ориентации, как это обычно и делается в историографии. Впрочем, исследователь замечает, что вряд ли можно говорить о принципиальном демократизме Фемистокла. Просто он, будучи дальновидным, верно почувствовал потребности момента и стал выразителем той тенденции, которая являлась наиболее перспективной. Позиция же Фемистокла во внешнеполитических вопросах была, безусловно, антиперсидской; при этом совершенно не обязательно считать, что на ранних этапах своей политической деятельности он был также и противником Спарты.

В монографии подробно излагается участие Фемистокла в острой борьбе группировок на протяжении 480-х годов до н.э., рассматриваются основные известные из источников события этой борьбы: реформа архонтата, серия первых в афинской истории остракофорий (инициатором которых был, скорее всего, именно Фемистокл), а также – и, разумеется, наиболее подробно – предложенная и реализованная им морская программа, приведшая к созданию мощного афинского флота. Тонкие, хорошо продуманные действия Фемистокла привели к концу 480-х годов до н.э. к триумфу его политики. Превратившись в самую влиятельную фигуру в полисе, он сыграл решающую роль в отражении нашествия Ксеркса. Воистину спасительным оказался принадлежащий Фемистоклу план эвакуации населения из Афин и Аттики³⁸. Что же касается Саламинского сражения, то на нем В.В. Ставнюк подробно не останавливается.

Завершает основную часть книги разбор социально-политической деятельности Фемистокла в послесаламинский период. Автор считает, что Фемистокл фактически стал творцом Афинского морского союза. Не можем согласиться с подобным тезисом. Не говорим уже о том, что ни один античный источник не приписывает Фемистоклу эту заслугу. Создание симмахии однозначно связывается в традиции с именем Аристиды, а ее укрепление – с именем Кимона. Если уж кто-то и может считаться их предтечей в данном процессе, то это скорее Ксантипп³⁹. Все названные деятели строили отношения Афин с полисами Эгеиды на началах умеренности и относительного равноправия, что и позволило создать из этих полисов союз под афинской гегемонией. Совершенно иную политику по отношению к островным и малоазийским эллинам проводил

³⁵ Впервые этот термин появляется значительно позже, у Геродота.

³⁶ Само по себе противопоставление аристократической и олигархической тенденций выглядит несколько искусственным. Да и сам В.В. Ставнюк чуть ниже (с. 111) пишет, что на данном этапе олигархическое течение «проявляется как течение аристократическое», т.е. скорее сближает, чем противопоставляет эти две категории.

³⁷ Как минимум четыре (Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130).

³⁸ Говоря об этой эвакуации, В.В. Ставнюк ошибочно указывает, что Ксеркса сопровождал бывший афинский тиран Гиппий. Геродот, на которого он ссылается, сообщает об участии Гиппия лишь в марафонской кампании 490 г. до н.э., а в связи с походом Ксеркса упоминает только Писистратидов, без дальнейшей конкретизации. Гиппий вообще вряд ли дожил до 480 г. до н.э.

³⁹ Суриков И.Е. Ксантипп, отец Перикла. Штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. 8. С. 105.

Фемистокл – политику жесткую, агрессивную, высокомерную. Это не могло дать позитивных результатов. Ровно так же чуть позже вел себя спартанский командующий Павсаний, и итог известен: ионийцы, отказавшись ему подчиняться, перешли под эгиду более «мягкого» Аристиды.

В данной рецензии немало места уделено тем положениям книг В.В. Ставнюка, с которыми мы не вполне согласны, поскольку нам необходимо было в каждом случае аргументировать свою позицию, дабы она не показалась голословной. Однако критика и полемика ни в коей мере не означают нашу невысокую оценку рецензируемых монографий. Напротив, специально хотелось бы подчеркнуть: уже сам тот факт, что книги вызывают желание поспорить, возразить, несомненно говорит в их пользу. Работы, к которым не возникает никаких вопросов, как правило, банальны и не содержат в себе научной новизны. А В.В. Ставнюк, напротив, не сглаживает «острых углов», пристально анализирует весьма сложные и дискуссионные проблемы, смело высказывает собственную точку зрения, как правило, хорошо продуманную и аргументированную, основанную на тщательном изучении материала.

Монографии «Фемистокл и Афины» и «Становление афинского полиса», безусловно, следует назвать значительным вкладом в постсоветскую историографию античности. Более того, они придают некое новое качество антиковедению Украины. Это последнее до сих пор ассоциировалось почти исключительно с исследованием истории и археологии Северного Причерноморья в древности; проблемы, связанные с Грецией как таковой, украинскими коллегами затрагивались очень редко. Появление сразу двух монографий об архаических и классических Афинах, хочется думать, стимулирует дальнейшую работу в данном направлении.

В заключение не можем не посетовать на негативные эффекты некоторого разрыва научных связей между республиками бывшего СССР после его распада в 1991 г. Прекратился полноценный обмен исследовательской литературой; в результате, с одной стороны, В.В. Ставнюку оказался недоступен целый ряд важных российских работ по афинской проблематике, вышедших на протяжении 1990-х–2000-х годов. С другой стороны, и сами его книги в России практически недоступны; в частности, и нам удалось их получить только благодаря любезности автора. Можно выразить надежду, что эта рецензия послужит делу укрепления российско-украинских научных контактов.

И.Е. Суриков